

DOI: 10.31857/S013038640021357-0

© 2023 г. В.А. КУЗНЕЦОВ

АЛЖИР: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЖИМА ПОСЛЕ 2019 года

Кузнецов Василий Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; ORCID: 0000-0003-3646-4037; Researcher ID: O-1087-2016

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации политического строя в Алжире после отстранения от власти А. Бутефлики. Описывая динамику политической жизни Алжира, автор отмечает, что действующий в стране режим может характеризоваться и как гибридный, и как авторитарный. При этом вопрос о векторе его эволюции во многом остается открытым. Направление вектора будет определяться способностью системы к преодолению отчуждения между обществом и властью. В статье рассматриваются два ключевых механизма коммуникации между ними: электоральное и прямое политическое участие. Анализируются электоральные процессы, сравниваются ход и итоги парламентских выборов 2002, 2007, 2012, 2017 и 2021 гг., делается вывод о существовании в обществе непреходящего взаимного недоверия общества и политических элит. Обращаясь к прямым формам участия, исследование концентрирует внимание на движении «Хирак», которое и сделало возможным политический транзит 2019 г. Выявление специфических черт этого движения позволяет показать, почему его деятельность не привела к формированию нового общественного договора. Автор считает, что неспособность преодоления отчуждения между властью и обществом объясняется генезисом алжирской политической культуры в период колониализма и постколониального развития. Методологически статья основывается на теориях гибридных режимов, порядков социального доступа, а также на типологизации политических партий М. Дюверже. Источниковую базу исследования составили как официальные документы и материалы СМИ, так и материалы экспертных интервью автора.

Ключевые слова: Алжир, авторитаризм, гибридные режимы, электоральные процессы, «Хирак», политическое участие.

V.A. Kuznetsov

Algeria: Political Participation During the Transformation of Political Regime after 2019

Vasily Kuznetsov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; ORCID: 0000-0003-3646-4037; Researcher ID: O-1087-2016

Abstract. The article focuses on the issues of political regime transformation in Algeria after the resignation of President Abdelaziz Bouteflika. Describing the dynamics of Algerian political life, the author points out that the country's current regime can be characterised as hybrid and authoritarian. Nevertheless, the prospects for its further evolution remain unclear. The author opines that these prospects would be determined by the ability of the system to overcome the alienation

between the public and the authorities. With this in mind, two key linking mechanisms need be analysed: electoral and direct political participation. When analysing electoral processes, the author compares the events and results of the 2002, 2007, 2012, 2017 and 2021 parliamentary campaigns, concluding that the mutual distrust between the public and the government constantly affects the social life of Algeria. Looking at direct forms of participation, he focuses on the “Hirak” Movement, which made the 2019 power transition possible. Indication of its specific traits shows why it did not facilitate the creation of a new social contract. The author concludes the article with the assumption that the alienation between the government and society has not been overcome because Algerian political culture was formed in the colonial and post-colonial periods. The article’s methodology is based on the hybrid regime and social orders theories. Furthermore, the author uses the typology of political parties proposed by Maurice Duverger. The sources and materials used for the study include official documents, media publications and results of the author’s field research.

Keywords: Algeria, authoritarianism, hybrid regimes, electoral processes, “Hirak”, political participation.

В 2019 г. в Алжире начался период политической трансформации. Он был связан с отстранением от власти тяжело больного президента А. Бутефлики, правившего страной два десятка лет, и со становлением формально нового политического режима. Уход Бутефлики происходил под давлением массовых протестов, получивших название «Хирак» (движение — *араб.*), поддержанных вооруженными силами страны, руководство которых, в сущности, и заставило элиту назначить внеочередные президентские выборы в соответствии с конституцией. Победивший на них Абдельмаджид Теббун, хотя и не был новичком в алжирской политике и даже успел в свое время побывать премьер-министром, все же никогда не считался особо значимой фигурой, а за пределами страны и вовсе был мало кому известен.

Его победа вызвала множество спекуляций относительно честности электоральной кампании и, вероятно, не устранила рисков новой турбулентности, однако наступившая всего через несколько месяцев пандемия COVID-19 создала определенные условия¹ для консолидации власти и снижения активности протестного движения.

Сегодня вопрос, насколько драматичные события 2019 г. и связанная с ними перебалансировка элит привели к изменению характера политического режима, остается открытым. Многочисленные аресты олигархов, партийных лидеров и высших чиновников² сами по себе едва ли говорили о трансформации режима. Очевидно, что эти кампании были направлены, с одной стороны, на перераспределение ренты внутри господствующей коалиции³, а с другой — на удовлетворение народного возмущения. Обе эти цели были достигнуты еще осенью-зимой 2019–2020 гг.

В последующий же период, когда вслед за демонтажем режима Бутефлики начался процесс выстраивания чего-то нового, тенденции политической жизни оказались весьма противоречивыми.

С одной стороны, ряд признаков позволяют говорить, что в стране идет процесс укрепления авторитаризма: ограничение свободы слова и усилившееся преследование журналистов и гражданских активистов⁴, фактическое подавление протестного движения⁵, рост

¹ *Tassadit Y.* Virus et politique en Algérie // IEMed. 28.XI.2020.

² *Arroudj A.* Voyage au cœur de la corruption algérienne // Le Figaro. 21.IX.2020.

³ *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

⁴ *Algérie – L’escalade de la répression menace la survie de la société civile indépendante* // Article 19. 23.II.2022. URL: <https://www.article19.org/fr/resources/algérie-lescalade-de-la-repression-menace-la-survie-de-la-societe-civile-independante/> (дата обращения: 02.06.2022).

⁵ *Algérie: vers le déconfinement du hirak?* // International Crisis Group. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep31471.5.pdf> (дата обращения: 04.06.2022).

внешнеполитической активности⁶, приводящий к укреплению позиции армии, отсутствие реальной политической конкуренции и неспособность активистов «Хирак» выдвинуть политических лидеров или сколько-нибудь позитивную программу изменений и т.п.

С другой стороны, этот авторитарный дрейф нельзя абсолютизировать. Внешнеполитическая активность А. Теббуна, проявляющаяся в том числе в росте напряженности в отношениях с Францией и Марокко, может объясняться по-разному: исходя из внутренних потребностей (стремлением к национальной консолидации на патриотической основе или необходимостью повысить престиж вооруженных сил) или ориентируясь на теорию конкуренции между средними державами⁷ (возвращением страны в региональную политику после семи лет самоизоляции и попытками вернуть себе позиции в Средиземноморье и на Африканском континенте).

Армия, хотя и сыграла ведущую роль в отстранении Бутефлики и, по всей видимости, в приходе к власти Теббуна, остается в тени политической жизни и не пытается (в отличие от того же Египта) получить правовые гарантии своего исключительного статуса (хотя она упоминается и в преамбуле к конституции, и в ст. 30). Вероятно, это связано с обозначившимся в рамках «Хирак» общественным неприятием идеи доминирования военных во власти: «Гражданское государство – не военное!» – один из самых популярных лозунгов того времени.

Наконец, наравне с новыми ограничениями появились и свидетельства готовности государственной власти чуть больше приоткрыть страну для международного сотрудничества (в частности, в Алжире начали работать некоторые немецкие фонды⁸), сохранилось высокое для арабского мира число научно-производственных объединений (НПО)⁹, нигде не исчезла многопартийность.

Подобная ситуация позволяет по-прежнему характеризовать алжирский политический режим как гибридный с некоторой тенденцией усиления в нем авторитарных элементов. Это, в свою очередь, заставляет поставить ряд серьезных вопросов. Имеем ли мы дело с переходом от гибридности к авторитаризму или же речь идет всего лишь о перезапуске дисфункциональных при позднем Бутефлике механизмов госуправления? Является ли авторитарный дрейф отражением общемирового тренда, связанного с многочисленными кризисами рубежа 2010–2020-х годов¹⁰, или же причины его имеют в основном локальный характер? Могут ли новые тенденции в госуправлении дать импульс развитию, в котором нуждается страна, или же деятельность правящего режима будет ограничена сохранением собственного доступа к ренте?

Очевидно, что содержащиеся в этих вопросах дихотомии в принципе не взаимоисключающи, скорее каждая из них обозначает экстремумы описания алжирского политического режима, между которыми расположено множество промежуточных вариантов. Очевидно и иное – каждый из этих промежуточных вариантов определяется прежде всего характером отношений между обществом и властью. Условно говоря, в случае полного отчуждения друг от друга двух сторон политического управления речь должна идти о последовательном укреплении авторитаризма, отказе от развития в пользу охранительства, который будет происходить вне зависимости от меняющейся мировой конъюнктуры. В случае же

⁶ Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб – 2021: тупики внутривнутриполитического развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642–654.

⁷ Zoubir Y. The Algerian-Moroccan Rivalry. Constructing the Imagined Enemy // Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa. Georgetown, 2020. P. 179–200.

⁸ Архив автора.

⁹ Bendimerad S., Chibani A., Boussafti K. Boom associatif en Algérie : réalité ou illusion démocratique? // RECMA. 2019. № 354. P. 42–57.

¹⁰ Repucci S., Slipowitz A. Freedom in the World 2022. The Global Expansion of Authoritarian Rule // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule> (дата обращения: 06.06.2022).

преодоления этого отчуждения возможен вариант как формирования очередной версии авторитаризма, так и нового демократического поворота.

Соответственно, для понимания тенденций развития алжирской политической системы имеет смысл обратиться к вопросу о механизмах политического участия граждан, выстраивающих основные каналы политической коммуникации с властью.

Представляется, что таких механизмов четыре: традиционное участие, участие через институты гражданского общества, электоральное и прямое участие.

Однако традиционные механизмы, предполагающие вовлеченность граждан в деятельность племенных или общинных институтов, суфийских братств и т.п., сохраняя подчас высокую значимость для индивидуума (особенно в менее развитых районах страны), в сущности представляют собой параллельную государству общественно-политическую реальность. При том что традиционные социальные институты могут использоваться государством в тех или иных ситуациях, оно почти никогда их не признает открыто и не взаимодействует с ними напрямую (по крайней мере на республиканском уровне)¹¹. В результате они не подходят для выстраивания механизмов доверия между обществом и властью, хотя и могут способствовать общественной консолидации на низовом уровне.

Своеобразным аналогом этих традиционных институтов для наиболее продвинутых частей городского социума выступают довольно многочисленные НПО, деятельность которых, впрочем, плотно контролируется правительством, целенаправленно препятствующим ее политизации¹². Такая (характерная не только для Алжира) деполитизированность «третьего сектора» стала предметом серьезной дискуссии о его реальных социально-политических функциях. Если одни исследователи считают, что НПО в подобной ситуации становятся инструментами поддержания авторитаризма, то другие, напротив, полагают, что их существование в долгосрочной перспективе может способствовать процессу демократизации¹³.

Вне зависимости от того, какой точки зрения на роль традиционных и современных гражданских институтов в алжирском обществе придерживаться, ясно, что на сегодняшний день ни те, ни другие не являются значимыми каналами коммуникации между обществом и властью, по крайней мере в масштабах всей страны.

В связи с этим сосредоточимся на электоральных процессах и инструментах прямого участия.

Рассматривая уровень электорального участия в алжирской политике, имеет смысл проанализировать ход и результаты пяти парламентских кампаний с 2002 по 2021 г. Они, как представляется, более репрезентативны, чем президентские (в силу наличия в них хотя бы каких-то элементов конкуренции), и могут указывать на важные тенденции общественной жизни.

При этом необходимо принимать во внимание два обстоятельства. Первое – это то, что на протяжении рассматриваемого периода менялась нормативно-правовая база выборов. В 2012 г. под воздействием «арабской весны» был принят ряд законов, в том числе о выборах¹⁴ и о партиях¹⁵: внешне направленные на демократизацию политической жизни, они все равно предполагали сохранение инструментов контроля исполнительной власти над всем политическим процессом. Среди этих инструментов – и непрозрачность контроля над выборами, и неясности относительно допуска наблюдателей, и даже облегчение регистрации партий, приведшее к фрагментации оппозиции. Принятые в 2016 г. поправки к конституции никаких принципиальных изменений в электоральные процедуры

¹¹ См. подробнее: *Hachemaoui M.* Clientélisme at patronage dans l'Algérie contemporaine. Paris, 2013.

¹² *Bendimerad S., Chibani A., Boussafi K.* Op. cit.

¹³ См. подробнее: *Шлыков П.В.* Гражданское общество // Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М., 2018. С. 180–230.

¹⁴ Loi organique # 12-01 du 18 Safar 1433 correspondant au 12 janvier 2012 relative au régime électoral // Journal officiel de la République Algérienne. 2012. № 1. P. 8–31.

¹⁵ Loi organique #12-04 du 18 Safar 1433 correspondant au 12 janvier 2012 relative aux partis politiques // Journal officiel de la République Algérienne. 2012. № 2. P. 9–15.

не привнесли, а в 2019 г. в контексте протестного движения в стране появился независимый избирком (ас-султа ал-ватанийа ал-мустакилла ли-л-интихабат), получивший конституционный статус в 2020 г. после очередного референдума по конституции. Наконец, в 2021 г. был принят новый закон о выборах (в форме президентского ордонанса)¹⁶, согласно которому ужесточался контроль над финансированием партий, сохранялась пропорциональная система, однако предполагалось преференциальное голосование по открытым спискам, что должно было препятствовать политической коррупции.

Во всех вариантах законов о выборах сохраняется привязка избирательных округов к вилайям, распределение мандатов по методу Хейра, благоприятному для слабых избирательных списков, и отсеечение слабейших списков пятипроцентным проходным барьером.

Второе важное обстоятельство – это существование в стране развитой многопартийной системы, в рамках которой могут быть выделены центристские партии, исторически прочно связанные с правящей властью (Фронт национального освобождения (ФНО) и Национальное демократическое объединение, НДО); исламистские (Движение общества за мир (ДОМ или ХАМАС), «Ан-Нахда», Движение за национальную реформу («Ал-Ислах» и др.); левые (умеренный Алжирский национальный фронт и троцкистская Партия трудящихся (ПТ) и др.) и берберские (Фронт социалистических сил (ФСС) и более радикальное Объединение за культуру и демократию, ОКД) партии. Помимо них, в рассматриваемый период появлялось и исчезало еще несколько десятков партийных объединений, так или иначе примыкавших к одной из составляющих этого спектра.

Пять рассматриваемых избирательных кампаний вроде бы проходили в совершенно разной политической атмосфере. 2002 г. был временем расцвета режима А. Бутефлики, недавно пришедшего к власти и хорошо зарекомендовавшего себя попытками преодоления массового насилия времен «черного десятилетия»¹⁷. 2007 г. уже омрачался деятельностью только что созданной Аль-Каиды в странах исламского Магриба (АКИМ) и экономическими проблемами, а также конфликтом между президентом и бывшим премьер-министром А. Бенфлисом. 2012 г. проходил под знаком «арабской весны» со всеми ее демократическими надеждами и скорыми разочарованиями. В 2017 г. президент уже четыре года как перенес инсульт, и политическая жизнь в стране едва теплилась, а в 2021 г. выборы проходили в условиях становления нового режима, приход которого к власти легитимизовался массовым протестным движением. Казалось бы, при таких обстоятельствах вполне резонно было бы ожидать не только серьезных трансформаций в составе участников выборов и их победителей, но и в самом характере предвыборных кампаний, равно как в электоральном поведении избирателей.

Реальность, однако, таких ожиданий не оправдывает.

Если в 2002 г. электоральная кампания не встретила серьезной критики, то затем ситуация изменилась. В опубликованной вскоре после выборов 2007 г. статье алжирский аналитик с грустью отмечал, что, «по мнению всех наблюдателей, избирательная кампания была вялой и безрезультатной, у алжирцев явно были иные заботы»¹⁸. В 2012 г. наблюдатели, хотя и давали позитивные оценки правовой и административной составляющим кампании, также описывали ее в тоскливых тонах, отмечая, что активность кандидатов не вызвала энтузиазма избирателей, собрания повсеместно отменялись, а кандидатам зачастую приходилось платить жителям, чтобы те пришли на встречу с ними¹⁹. В 2017 г.

¹⁶ Ordonnance № 21-01 du 26 Rajab 1442 correspondant au 10 mars 2021 portant loi organique relative au régime électoral // Journal officiel de la République Algérienne. 2021. № 17. P. 8–41.

¹⁷ Василенко А.И. Долгое эхо конфликта: память о «черном десятилетии» 1990-х годов в современной политической культуре Алжира // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 11 (2). С. 171–200.

¹⁸ Bennadji C. Algérie 2007: l'année des kamikazes et des élections manquées // L'Année du Maghreb. 2008. Vol. IV. P. 203–217.

¹⁹ Rapport final sur les élections législatives en Algérie 2012 // National Democratic Institute. 10.V.2012. P. 20–21.

ситуация повторилась: несмотря на некоторые попытки властей придать кампании интригу (в частности, через очередное педалирование давно известной проблемы участия в выборах кандидаток в никабах²⁰), организацию национального турне премьер-министра и его призывы к жителям прийти к урнам для голосования²¹, никаких особых сенсаций на выборах с самого начала никто не ждал²². Наконец, в 2021 г. выборы проходили в условиях высокой общественной поляризации: та часть политического класса, которая выступала последовательной сторонницей движения «Хирак», бойкотировала сначала референдум о конституции в 2020 г. (или же призывала голосовать против предложенных поправок), а затем и парламентские выборы²³. В результате предвыборная кампания вместо реальной межпартийной конкуренции принесла избирателю борьбу «хорошего с лучшим» — более или менее близких к правительству партий.

Характеру кампаний соответствует и динамика явки избирателей. В 2002 г. явка составила 46,17% (8 288 536)²⁴ избирателей, в 2007 г. — 35,67% (6 692 891)²⁵, в 2012 г. — 43,14% (9 339 026)²⁶, в 2017 г. — 35,37% (8 225 123)²⁷, а в 2021 г. — 23% (5 628 401)²⁸.

В этом ряду совсем не воодушевляющих цифр выделяется три года. В 2002 г. относительно высокая явка была, видимо, связана с мобилизацией электората ФНО, пытавшегося вернуть себе бразды правления на фоне успехов недавно пришедшего к власти президента. В 2012 г. ее рост определялся ожиданиями позитивных изменений после принятия ряда демократических законов в начале года и еще не забытых обещаний А. Бутефлики провести коренные реформы. В то же время чрезвычайно низкая цифра 2021 г., если учитывать общественный контекст, должна интерпретироваться не как проявление общественной апатии, а как форма протеста, к которой прибегло порядка 10–15% избирателей.

Еще более показательны данные об уровне протестного голосования. Так, в 2002 г. 10,5% (867 669) голосовавших опустили в урны недействительные бюллетени. В 2007 г.

²⁰ Législatives en Algérie: polémique autour des “candidates sans visage” sur les affiches // Les Observateurs. 20.IV.2017.

²¹ Législatives 2017: Début de la campagne électorale, mises en garde contre la fraude // Algeria-Watch. 10.IV.2017.

²² Muted start to election campaigning in Algeria // Al Jazeera. 9.IV.2017; Elections législatives en Algérie: vers une abstention historique? // Marianne. 4.V.2017.

²³ Elections législatives anticipées: Les partis dans l’embarras // El Watan. 16.II.2021.

²⁴ И‘лан ракм 01/и.м.д/02 му‘аррих фи 21 раби‘ ал-аввал ‘ам 1423 ал-мувафак 3 йунйу сана 2002 йата‘аллак би-натаидж интихабат а‘да’ ал-маджлис аш-ш а‘бий ал-ватаний (Объявление № 01/и.м.д/02 от 21 раби ал-аввал 1423 г. (3 июня 2002 г.), относящееся к итогам выборов членов Национальной народной ассамблеи) // Ал-джарида ар-расмийа (Официальный журнал). 2002. № 44. С. 4. (На араб. яз.)

²⁵ Proclamation № 03 / P.CC / 07 du 4 Jomada El Oula 1428 correspondant au 21 mai 2007 portant résultats de l’élection des membres de l’Assemblée populaire nationale // Journal Officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire. 2007. № 45. P. 3–20.

²⁶ Proclamation № 01/P.CC/12 du 24 Jomada Ethania 1433 correspondant au 15 mai 2012 portant résultats de l’élection des membres de l’Assemblée Populaire Nationale // Journal Officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire. 2012. № 32. P. 4–22.

²⁷ И‘лан ракм 01/и.м.д/17 му‘аррих фи 21 ша‘бан ‘ам 1438 ал-мувафак 18 майу сана 2017 йатадамман ан-натаидж ан-нихайя ли-интихабат а‘да’ ал-маджлис аш-ша‘бий ал-ватаний, аллази джара йоум 7 ша‘бан ‘ам 1438 ал-мувафак 4 майу сана 2017 (Объявление № 01/и.м.д/17 от 21 шаабана 1438 г. (18 мая 2017 г.), относящееся к итогам выборов членов Национальной народной ассамблеи, которые прошли 7 шаабана 1438 г., соответствующего 4 мая 2017 г.) // Ал-джарида ар-расмийа (Официальный журнал). 2017. № 34. С. 36. (На араб. яз.)

²⁸ И‘лан ракм 01/и.м.д/21 му‘аррих фи 12 зи-л-ка‘да ‘ам 1442 ал-мувафик 23 йунйу сана 2021 йатадамман ан-натаидж ан-нихайя ли-интихабат а‘да’ ал-маджлис аш-ша‘бий ал-ватаний, аллази джара йоум аввал зи-л-ка‘да ‘ам 1442 ал-мувафак 12 йунйу сана 2021 (Объявление № 01/и.м.д/21 от 12 зи-ль-каада 1442 г. (23 июня 2021 г.), относящееся к итогам выборов членов Национальной народной ассамблеи, которые прошли 01 зи-ль-каада 1442 г., соответствующего 12 июня 2021 г.) // Ал-джарида ар-расмийа (Официальный журнал). 2021. № 51. С. 4. (На араб. яз.)

их было уже 14,4% (965 064), в 2012 г. — 18,2% (1 704 047), в 2017 г. — 21,6% (1 778 373), а в 2021 г. — 18% (1 011 749).

Очевидно, что устойчиво низкая явка в совокупности с феноменально высоким процентом испорченных бюллетеней свидетельствуют не просто о постоянном недоверии граждан к избирательной системе, но и о том, что этот уровень недоверия постоянно повышается, причем после прихода к власти А. Теббуна он стал принципиально выше, чем даже в последние годы правления А. Бутефлики. В сущности, избранный в 2021 г. парламент представляет интересы чуть менее 19% избирателей, или 10% населения страны (и это без учета голосов, отданных за списки, не прошедшие в парламент).

При этом характерно, что в стране существуют регионы, постоянно демонстрирующие рекордно низкую явку: крупные города (в 2021 г.: Алжир — 12,8%, Константина — 19,7%, Оран — 18,1%) и особенно берберская Кабилия (Тизи-Узу — 0,9%, Бежаия — 0,42%, Буира — 11,42%, Бумердес — 14,5%), а также округа за границей.

При такой ситуации кажется более или менее бессмысленным анализировать подробно результаты кампаний. Достаточно сказать, что ключевые партии (ФНО, НДО, периодически перегруппировавшиеся исламистские силы, ПТ, ФСС) сохраняли свое присутствие в парламенте на протяжении большей части рассматриваемого периода. Таким образом, ФНО за это время примерно в 10 раз снизил свою популярность, причем основное падение случилось между 2017 и 2021 г.: получив в 2017 г. 1 655 040 голосов, партия заняла 161 депутатское кресло, а в 2021 г. — 98 кресел, несмотря на то что за нее проголосовало всего 287 828 человек. Не столь впечатляюще, но также значительно утратило популярность и НДО (500–600 тыс. в 2002–2012 гг., почти 1 млн в 2017 г. и менее 200 тыс. в 2021 г.), сохранившее за собой 58 депутатских мандатов. При этом нельзя утверждать, что утраченные голоса перераспределились в пользу оппозиции. Учитывая то, что значительная ее часть бойкотировала выборы 2021 г., можно лишь, опираясь на предыдущие кампании, заметить, что исламистские движения в целом растеряли популярность по сравнению с началом 2000-х годов, а ультралевые и берберские сохраняют пусть и небольшой (150–250 тыс.), но более или менее устойчивый электорат.

Описываемая динамика электоральных процессов позволяет, кроме того, сделать вывод, что недоверие общества и власти носит во многом обоюдный характер. Если общество демонстрирует его низкой явкой, испорченными бюллетенями или нежеланием голосовать за провластные силы (ФНО и НДО), то власть использует как административные ресурсы во время избирательных кампаний, так и манипуляции с правовой базой выборов, в результате которой правящие партии получают непропорциональное количество мандатов, а партийный состав парламента постоянно дробится за счет мельчайших партий. В депутатском корпусе 2002 г. было представлено всего 10 политических сил, однако в 2007 г. их стало 22, в 2012 г. — 28, в 2017 г. — 61, а в 2021 г. — 71, из которых лишь 5 партий получили более 100 тыс. голосов и более 30 мандатов, столько же — от 10 до 18 тыс. (1–4 мандата), а остальные — менее 10 тыс. (1–3 мандата), причем одна партия получила всего 461 голос. Очевидно, что при всем внешнем демократизме системы в реальности она не только делает недееспособным высший орган законодательной власти, но и благоприятствует размыванию партийной системы как таковой.

В условиях неэффективности электоральных институтов в 2019 г. активная часть алжирского общества обратилась к механизмам прямого участия. Развернувшееся в феврале того года движение «Хирак» уже вошло в историю страны, а его значимая роль даже была закреплена в преамбуле нового текста конституции, принятого на референдуме 2020 г.

Разумеется, это движение при всей своей специфичности не было первой в истории Алжира попыткой прямого политического участия. Напротив, можно сказать, что в стране, для которой еще с колониальных времен был характерен разрыв между основной частью населения и политическими элитами, «Хирак» наследовало давние традиции: национально-освободительного движения конца XIX — первой половины XX в., обернувшегося войной за независимость; берберского этнонационального движения 1940–1950-х

годов; «черной весны» 1980 г.; массовых протестов конца 1980-х годов; берберского автономистского движения в Кабилии конца 1990 – начала 2000-х годов; массовых выступлений конца 2010 г. и, наконец, так называемых *protestas*, ставших обычным атрибутом общественной жизни в XXI в. Кроме того, по всей видимости, оно испытывало на себе влияние и французской традиции выражения общественного недовольства, и «арабской весны».

С ее тунисским и египетским вариантами «Хирак», на первый взгляд, по основным параметрам совпадало, и потому многие авторы считают возможным говорить о событиях в Алжире 2019 г. как об «арабской весне 2.0». Действительно, общих черт здесь немало: массовые мирные протесты преимущественно городской молодежи, требовавшей демократических перемен, подчеркнута светский характер движения, общие с движениями «арабской весны» механизмы групповой солидарности (совместные приемы пищи, взаимопомощь, демонстративное внимание к обеспечению безопасности граждан силами самих протестующих, совместные акции по уборке мусора и т.п.), возникновение протестной субкультуры политической агитации (плакаты и слоганы, иногда почти дословно повторяющие лозунги «арабской весны», апелляция к народной воле, значительный юмористический элемент в риторике и т.п.), внимание к представленности субальтерных групп (женщин, амазигов, ибадитов и др.), обращение к общей гражданской идентичности алжирского общества при отсутствии выраженной идеологии.

И вместе с тем по ряду параметров «Хирак» был совершенно иным явлением.

Во-первых, его развитие не привело к стабилизации протеста, как это было, например, в Египте на площади Тахрир или в Тунисе на Касбе.

Во-вторых, отличалась методология протеста: не нарастающая волна выступлений в относительно короткий промежуток времени, а еженедельные пятничные подчеркнута мирные демонстрации, продлившиеся более года. И хотя в самих пятничных демонстрациях ничего особо нового для арабского мира не было, продолжительность этой практики кажется необычной – в рамках «арабской весны» подобных примеров мы не находим.

В-третьих, протестное движение постепенно стало рутинной общественно-политической жизни. Общество, страдавшее от плохо работающих публичных пространств и испытывавшее дефицит институтов социализации, увидело в «Хирак» возможность обретения новой общегражданской идентичности. Сами демонстрации постепенно превращались в некую смесь политической акции и формы досуга, участие в них могли принимать все граждане вне зависимости от пола, возраста или социального статуса. Такая «рутинизация» протеста, ведущая к вымыванию из него собственно политической повестки, в краткосрочной перспективе (осенью-зимой 2019 г.) играла на руку властям, единственной угрозой для которых постепенно становилось выделение из движения радикальной составляющей. Начало пандемии, однако, позволило постепенно свернуть «Хирак», введя ограничительные противоэпидемиологические меры. Параллельно с этим со временем представители власти все чаще указывали на деятельность в рамках «Хирак» радикалов, представляющих, с одной стороны, исламистскую антисистемную оппозицию (движение «Рашад»²⁹), а с другой – подчеркнута секулярных кабилских автономистов (Движение за самоопределение Кабилии), идеология которых интерпретируется как сепаратистская³⁰. Обе эти организации были признаны террористическими, а обвинение в их поддержке марокканским правительством стало важнейшим фактором ухудшения отношений между двумя странами.

В-четвертых, «Хирак» отличалось от движений в Тунисе или Египте территориальным охватом – они стали регулярным элементом общественной жизни не только в столице, но во всех основных регионах страны, включая даже небольшие города.

Наконец, в-пятых, принципиально иной оказалась динамика отношений между активистами «Хирак» и властями. Раскол элит, считающийся важнейшим элементом в методиках

²⁹ *Orus-Boudjema S.* Algérie: qui sont les figures de Rachad, le mouvement islamiste accusé d'infiltrer le Hirak? // *Jeune Afrique*. 5.V.2021.

³⁰ *Algerie: Le Mouvement pour l'Autodetermination de la Kabylie (MAK).* // *OFPRA*. 24.XI.2021.

ненасильственного свержения власти, произошел практически сразу, однако это не привело к формированию принципиально новой контрэлиты или конкурирующей господствующей коалиции. Напротив, воспользовавшаяся ситуацией и связанная с армией часть господствующей коалиции сумела инструментализировать протест, что может рассматриваться как свидетельство и высокого уровня консолидации господствующей коалиции (после отсечения от нее группы, лояльной А. Бутефлике), и неспособности протестного движения превратиться в политическое.

Вопрос, почему «Хирак» не смогло стать политическим движением и не выдвинуло из своих рядов реальных политических лидеров, остается открытым. Однако, как представляется, этому способствовало несколько факторов. Прежде всего целенаправленная деятельность властей, предпочитавших видеть в «Хирак» не отдельного политического актора, а спонтанное массовое и более или менее анонимное движение, выражающее так называемую народную волю, которую можно более или менее свободно интерпретировать. Характерно в этом отношении, что, как только в движении стали выкристаллизовываться кабилская и исламистская тенденции, потенциально способные к превращению в новые политические силы, против них тут же были применены меры по борьбе с экстремизмом. Не менее важно и то, что с самого начала протестное движение было почти лишено единой позитивной повестки и в целом испытывало некоторую растерянность перед идеологиями — летом 2019 г. на центральных улицах страны с равным успехом можно было увидеть плакаты с цитатами из Корана, Айн Рэнд и Вольтера. Отчасти это объясняется общей деидеологизацией, характерной для политики 2010-х годов. Отчасти же тем, что три десятилетия алжирской многопартийности привели к тому, что в стране не осталось ни одной идеологии, сторонники которой не были бы так или иначе интегрированы в политическую систему и, соответственно, с точки зрения протестующих, не были бы дискредитированы. В иных странах, сталкивающихся с такой же проблемой (от Франции до Туниса), выходом становилось обращение к более или менее эклектичному популизму, однако в алжирском случае популистские лидеры, хотя и появлялись, оставались в той или иной степени маргинальными. Наконец, еще одним фактором стало то, что на начальных этапах ни одна из действующих в стране политических сил (равно как и ни одно гражданское объединение или профсоюзы) не оказалась готовой приватизировать протест или предоставить его активистам свою инфраструктуру. В тот момент, когда летом 2019 г. левые партии (ПТ, ФСС, ОКД и др.) все же попытались скоординировать свои усилия и объединиться в Политический пакт альтернативных демократических сил (ал-‘акд ас-сийасий ли-кувва ал-бадил ад-димукратий), который попытался бы привести страну к новому учредительному собранию, у властей уже было достаточно сил, чтобы не позволить им это сделать.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на позитивный опыт самоорганизации граждан в рамках протестного движения и даже достижения некоторых политических результатов, «Хирак» все же не стало инструментом выстраивания принципиально новых отношений между обществом и властью, не привело к возникновению новых механизмов коммуникации между ними или (тем более) к изменению общественного договора.

* * *

Вернемся к вопросу, который был поставлен в начале этой статьи: насколько могут существоющие в Алжире механизмы политического участия граждан способствовать преодолению отчуждения между обществом и властью.

Ответ кажется очевидным: лишь в незначительной мере.

Многочисленные теории гибридных режимов³¹, сформулированные в 1990-е годы как ответ на кризис транзитологии, хотя и не смогли предложить общепризнанного набора

³¹ Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // Democratization. 2009. № 16 (2). P. 399–423.

критериев для отнесения того или иного режима к категории гибридных, все же сумели обозначить их общий принцип — сочетание элементов демократии и авторитаризма, что может интерпретироваться либо как мимикрия авторитаризма под демократию, либо как движение в сторону демократии. В случае с Алжиром, в принципе, считалось, что режим постепенно движется в сторону демократизации. После создания формальных демократических институтов в самом конце 1980-х годов демократический транзит был прерван «черным десятилетием», которое, однако, не привело к отказу от этих институтов. И в конце 1990-х годов и уже в XXI в. в стране сохранялись и партии, и выборы, и даже некая политическая конкуренция в рамках парламентских выборов, и определенная степень свободы слова. В целом, ситуация выглядела лучше, чем в Тунисе Бен Али или Египте Х. Мубарака, а также, чем в Марокко, где реальная власть концентрируется в значительной степени в руках махзена. Реформы начала 2010-х, несмотря на всю свою половинчатость, также указывали на готовность власти отвечать на демократический запрос населения.

Тем не менее динамика политического развития во второй половине 2010-х годов, усилившаяся деградация электоральных институтов и реакция режима на «Хирак» показали глубокую ошибочность этого внешнего впечатления. Раскол элит оказался менее важен, чем взаимное недоверие между ними и обществом.

По всей видимости, такая ситуация стала следствием специфической политической культуры страны. Сформировавшись по итогам войны за независимость на основе Армии национального освобождения и ФНО, политические элиты Алжира изначально несли в себе черты «ветеранских организаций», описанных когда-то М. Дюверже как партии-ордена и характеризующихся в том числе высокой степенью сплоченности и недоверием к внешнему миру. Феноменальным образом, придя к власти в 1962 г., эти элиты на протяжении всей последующей истории воспроизводили в своей политической практике ту же модель радикальной сепарации общества и власти, которая была создана французскими колонизаторами. Что же касается гражданского общества, то, лишенное возможности реального электорального участия во власти, оно, сталкиваясь с жестким силовым ответом при каждой попытке прямого участия (1954–1962, 1980, 1990-е годы), пришло к ситуации выученной беспомощности, в рамках которой единственной разумной стратегией политического поведения становится внутренняя эмиграция.

Библиография

Василенко А.И. Долгое эхо конфликта: память о «черном десятилетии» 1990-х годов в современной политической культуре Алжира // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 11 (2). С. 171–200.

Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642–654.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

Шлыков П.В. Гражданское общество // Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М., 2018. С. 180–230.

Arroudj A. Voyage au cœur de la corruption algérienne // Le Figaro. 21.IX.2020.

Bendimerad S., Chibani A., Boussafi K. Boom associatif en Algérie: réalité ou illusion démocratique? // REСМА. 2019. № 354. P. 42–57.

Bennadji C. Algérie 2007: l'année des kamikazes et des élections manquées // L'Année du Maghreb. 2008. Vol. IV. P. 203–217.

Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // Democratization. 2009. № 16 (2). P. 399–423.

Hachemaoui M. Clientélisme at patronage dans l'Algérie contemporaine. Paris, 2013.

Orus-Boudjema S. Algérie: qui sont les figures de Rachad, le mouvement islamiste accusé d'infiltrer le Hirak? // Jeune Afrique. 5.V.2021.

Repucci S., Slipowitz A. Freedom in the World 2022. The Global Expansion of Authoritarian Rule // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule> (дата обращения: 06.06.2022).

Tassadit Y. Virus et politique en Algérie // IEMed. 28.XI.2020.

Zoubir Y. The Algerian–Moroccan Rivalry. Constructing the Imagined Enemy // Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa. Georgetown, 2020. P. 179–200.

References

Kuznetsov V.A., Vasilenko A.I. Magrib – 2021: tupiki vnutripoliticheskogo razvitiya i ugrozy regional'noj podsysteme otnoshenij [Maghreb – 2021: Dead Ends of Internal Political Development and Threats to the Regional Relations Subsystem] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of the Peoples' Friendship Russian State University. International Relations Series]. 2021. Vol. 21. № 4. S. 642–654. (In Russ.)

North D., Wallis J., Weingast B. Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Shlykov P.V. Grazhdanskoe obshhestvo [The Civil Society] // Blizhnii Vostok v menjajushhem-ja global'nom kontekste [Middle East in the Changing Global Context] / pod red. V.G. Baranovskogo, V.V. Naumkina. Moskva, 2018. S. 180–230. (In Russ.)

Vasilenko A.I. Dolgoe jeho konflikta: pamjat' o “chernom desjatiletii” 1990-h godov v sovremennoj politicheskoj kul'ture Alzhira [The Lengthy Echo of Conflict: Memories of the 1990s “Black Decade” in the Contemporary Political Culture of Algeria] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija XXV. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika [Moscow State University Bulletin. Series XXV. International Relations and World Politics]. 2019. № 11 (2). S. 171–200. (In Russ.)

Arroudj A. Voyage au cœur de la corruption algérienne // Le Figaro. 21.IX.2020.

Bendimerad S., Chibani A., Boussafi K. Boom associatif en Algérie: réalité ou illusion démocratique? // RECMA. 2019. № 354. P. 42–57.

Bennadji C. Algérie 2007: l'année des kamikazes et des élections manquées // L'Année du Maghreb. 2008. Vol. IV. P. 203–217.

Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // Democratization. 2009. № 16 (2). P. 399–423.

Hachemaoui M. Clientélisme at patronage dans l'Algérie contemporaine. Paris, 2013.

Orus-Boudjema S. Algérie: qui sont les figures de Rachad, le mouvement islamiste accusé d'infiltrer le Hirak? // Jeune Afrique. 5.V.2021.

Repucci S., Slipowitz A. Freedom in the World 2022. The Global Expansion of Authoritarian Rule // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule> (access date: 06.06.2022).

Tassadit Y. Virus et politique en Algérie // IEMed. 28.XI.2020.

Zoubir Y. The Algerian–Moroccan Rivalry. Constructing the Imagined Enemy // Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa. Georgetown, 2020. P. 179–200.